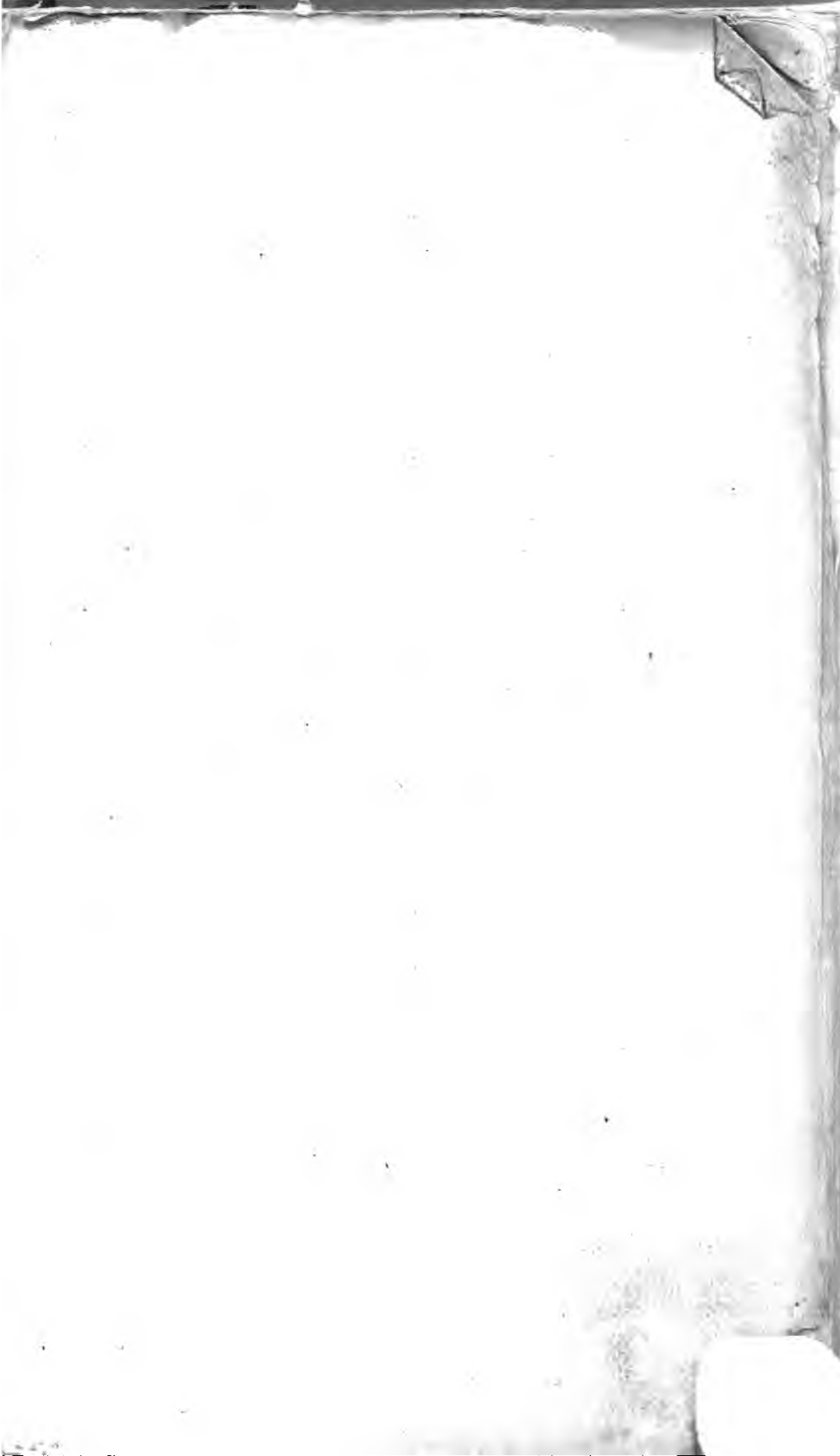

ПРОСТО НАРОДНЫЯ

П Ъ С Н И

НЫНѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ.

Р. Смирновъ въ Петербургѣ.

Изданъ въ Москвѣ.

Слово о Писателѣ
К. И. ПЕТЬ

ПРОСТОНАРОДНЫЯ
П Ъ С Н И
НЫНѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ,

СЪ ПОДЛИННИКОМЪ

ИЗДАННЫЯ И ПЕРЕВЕДЕННЫЯ ВЪ СТИХАХЪ, СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ
ВВЕДЕНІЯ, СРАВНЕНІЯ ИХЪ СЪ ПРОСТОНАРОДНЫМИ ПѢСНЯМИ
РУССКИМИ И ПРИМѢЧАНІИ

Н. ГНѢДИЧЕМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

1825.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

891.7/G5-33
U 5

Вин стак

PA

5285

. P76

1825

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Пешер-
бургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда
слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпешербургъ,
24 Октября, 1824 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

Exchange

APPLICATO
UTROVNU
MASS.

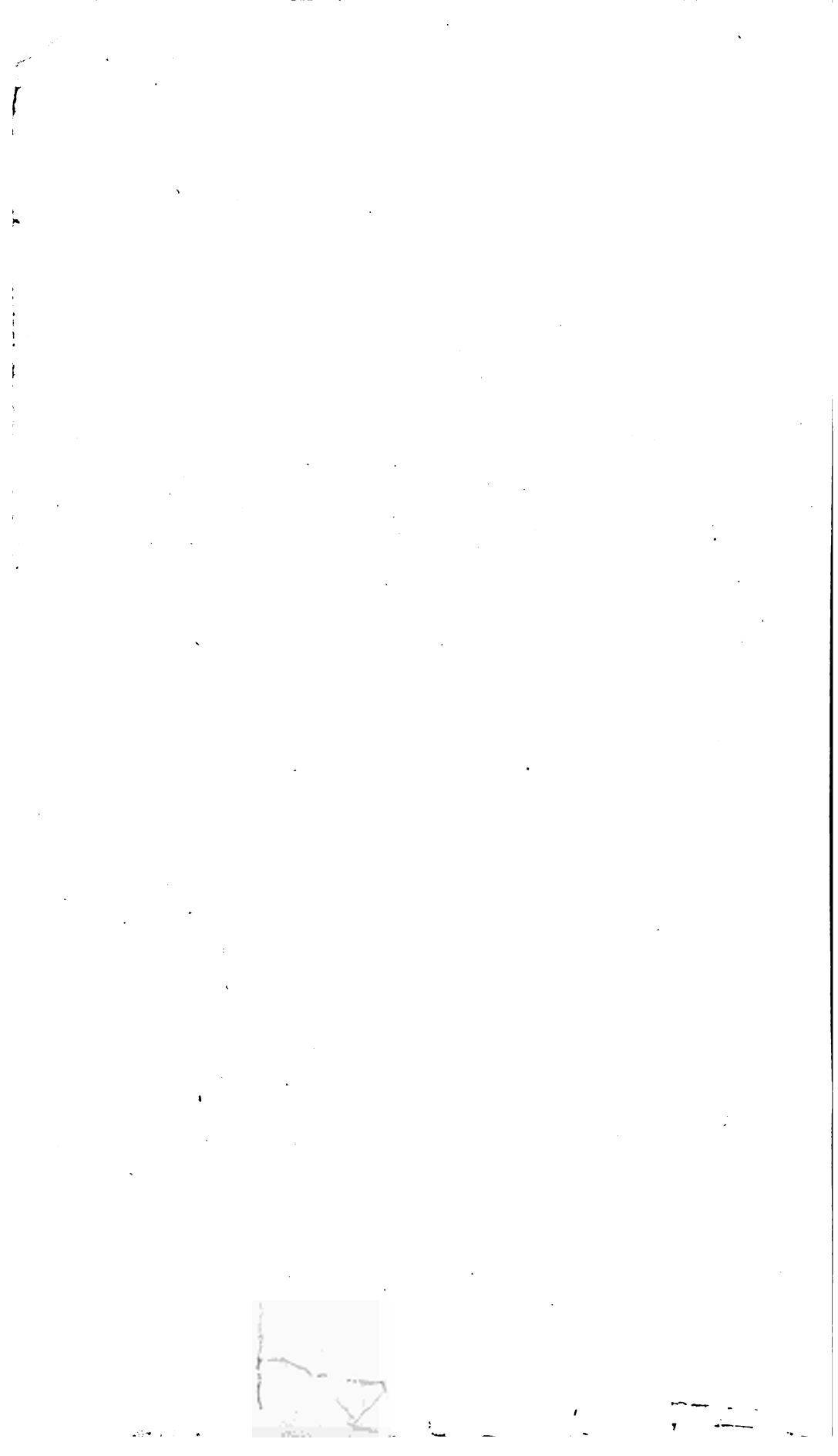
505 9713/4 am 66113

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ

О Л Е Н И Н У

Усерднѣйшее приношеніе.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Намѣреніе сдѣлать извѣстными Европейцамъ простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ не ново: доказательство, что онѣ изобилуютъ не одними красотами частными, мѣстными, но достоинствомъ поэтическимъ общимъ, чувствительнымъ и для другихъ народовъ. Еще въ 1676 году ученый Французъ Ла Гиллешьеръ, въ предисловіи своемъ къ сочиненію, *Лакедемонъ древній и новыи*, изъявилъ желаніе издать Собраніе Греческихъ простонародныхъ пѣсень. Въ наше время оплитчѣйшіе Германскіе писатели, самъ знаменитый Гёте (*), собирали ихъ съ намѣреніемъ напечатать; Французъ упредилъ: Г. Форіель (Fauriel) издалъ собраніе Греческихъ пѣсень, съ переводомъ и предисловіемъ. Первое основаніе сего собранія положено, какъ говоритъ Издатель, знаменитымъ Кораемъ; послѣднія пѣсни онъ получалъ отъ Гг. Газе, Муспокси и другихъ ученыхъ и патріотовъ Греческихъ, его намѣренію споспѣшествовавшихъ.

(*) Пукевиль, въ своемъ Путешествіи въ Грецію, говорилъ какъ о слухѣ, будто Гёте издалъ уже въ Германіи подобное собраніе. *Voyage dans la Grèce, tom. V, p. 415.*

„Простонародныя Греческія пѣсни, говоритъ Издашель въ началѣ предисловія, даже и безъ всякихъ изъясненій, какихъ онѣ могутъ пребовать, доставляють нѣкоторыя новыя свѣденія, научають оцѣнять съ большею, какъ донинѣ было, точностію, съ большею справедливостію нравы, характеръ и геній нынѣшнихъ Грековъ.

„Ученые Европейцы, въ продолженіи чешырехъ вѣковъ посѣщая Грецію, опыскивали развалины храмовъ, прахъ городовъ, рѣшась напередъ восхищаться надъ слѣдами, часто сомнительными, всего того, что за двѣ или за три тысячи лѣтъ было; а восемь миліоновъ людей, оставшихъ несомнѣнные, остатки живые древняго народа сей земли классической, бросали безъ всякаго вниманія, или говорили объ нихъ, какъ о племени опроверженномъ, падшемъ, незаслуживающемъ ничего болѣе, кромѣ презрѣнія или сожалѣнія людей образованныхъ.

„Такимъ образомъ ученые Европейцы не только оказывали несправедливостъ нынѣшней Греціи, но вредили сами себѣ, своей любимой надеждѣ: они сами отказывались отъ способовъ лучше узнать Грецію древнюю, лучше открыть то, что есть преимущественнаго, собственнаго и неизгладимаго въ характерѣ и геніи сыновъ сей земли благословенной. Не въ одной чертѣ обычаевъ и нравовъ нынѣшнихъ они легко узнали бы слѣды любопытные обычаевъ и нравовъ древнихъ, и такимъ образомъ составили бы себѣ мысли гораздо высшія о силѣ

и твердоспи послѣднихъ. Они открыли бы причину и болѣе общую и болѣе основательную шой пламенной любви къ отечеству, къ свободѣ, шой дѣятельности общественной, промышленности и предприимчивости, кошорымъ удивляющіяся у Грековъ древнихъ: ибо увѣрились бы, что Греки нынѣшніе, даже подъ игомъ Турокъ, болѣе несчастные, чѣмъ униженные, никогда совершенно не теряли ни своихъ преимуществъ душевныхъ, ни чувства независимости; что они умѣли удерживать народность свою, отличную отъ ихъ побѣдителей, умѣли сохранить, подъ правилствомъ насильственнымъ и хищнымъ, способность удивительную къ мореходству и торговлѣ.

„Чѣмъ болѣе Ученые любили языкъ Гомера и Пиндара, тѣмъ болѣе нашли бы они пользы въ изученіи языка новаго, кошорой, живая отрасль языка мертваго, сохраняетъ многія чершпы его, не вошедшія въ книги древнихъ. Наконецъ, что касается до Словесности вообще и въ особенности до Поэзіи, они хотя не нашли бы у новѣйшихъ Грековъ древняго поэпическаго гения, гения, кошорый имъ ничего уже не говоритъ, и кошорого не могутъ они понимать; но узнали бы, что они также имѣютъ свои пишла славы, свою степень образованности. Вотъ предметъ, говоритъ Издашель, о кошоромъ намѣренъ я пополнить, сколько могу, безмолвіе писателей и путешественниковъ.“

Съ такимъ побужденіемъ, въ предисловіи весьма обширномъ и занимательномъ, онъ между про-

чимъ излагаетъ краткую Исторію новѣйшей Словесности Грековъ. Извлекая только то, что должно познакомить читателя съ ихъ Поэзіей проспонородною, и позволяю себѣ нѣкоторыя замѣчанія на сужденія (*) почтеннаго Издателя.

„Греки нынѣшніе, кромѣ Поэзіи письменной, чуютъ Поэзію изустную, народную, во всей силѣ эпаго слова, выраженіе прямое и вѣрное характера и духа народнаго; ее каждый Грекъ понимаетъ и любитъ, пошому единственно, что онъ Грекъ, что живетъ на землѣ и дышетъ воздухомъ Греціи. Поэзія сія живетъ не въ книгахъ, не жизнью искусственною, но въ самомъ народѣ и всею жизнью народа: она заключается въ пѣсняхъ.“

Издатель раздѣляетъ ихъ на три главные рода: Семейственные, Историческія и Мечтательныя, или Романическія. Подъ родомъ Семейственныхъ разумѣетъ онъ пѣсни, которыя поются при разныхъ годовыхъ празднествахъ и важнѣйшихъ обстоятельстве жизни: свадьбахъ, пирахъ, и между прочимъ при похоронахъ. Обращая болѣе вниманія на пѣсни Семейственные, которыя болѣе другихъ изображаютъ нравы народа, Издатель замѣчаетъ черты, сближающія нравы и обычаи нынѣшнихъ Грековъ и ихъ предковъ. Такимъ образомъ, изъ числа пѣсенъ праздничныхъ, онъ упоминаетъ объ одной, весьма извѣстной въ цѣлой

(*) Сужденія Издателя Французскаго опличены, при началѣ и при концѣ ихъ, двумя запятыми.

Греції подь названіємъ: *Пѣсня Ласточки*; она поется при началѣ весны, въ Марпѣ, купами дѣшей, кошорыя, нося въ рукахъ ласточку, изъ дерева сдѣланную, ходящъ изъ дома въ домъ, чѣшобъ славишъ новую весну и получащъ за эшо небольшую награду. При семъ Издашель указываетъ на подобную древнюю проспонародную пѣсню, кошпорая во всей цѣлости сохранена Аеенеємъ; она, по словамъ Издашеля, такъ же была извѣстна подь названіемъ: *Хелидонизма, Пѣсня Ласточки*, и пѣлась у Родосцевъ такъ же дѣшми, въ Марпѣ мѣсяцѣ, съ пѣмъ же намѣреніемъ.“

Возбудивъ любопытство, Издашель, къ сожалѣнію, не удовлетворяешъ его, не приводишъ ни той ни другой пѣсни. Кромѣ эшого должно замѣшшишъ, чѣо древняя пѣсня у Аеенея не названа: *Хелидонизма*; онъ только говоришъ, чѣо пѣшъ впу пѣсню называлось *Хелидонизинъ*, такъ сказашъ, *пѣть ласточкой* — и чѣо эшо обыкновенно бывало въ мѣсяцѣ Воедроміонѣ. Мѣсяцъ сей у Грековъ также не Марпѣ, а нашъ Августъ; впрочемъ какъ противорѣчіе самой пѣсни, къ веснѣ относящейся, такъ и нѣкошорые издашели Аеенея утверждающъ, чѣо подлинникъ въ названіи мѣсяца сомнишеленъ. *Хелидонизинъ*, говоришъ Аееней, произошло опъ шого, чѣо пѣли слѣдующую пѣсню: (*)

(*) Предлагаю для любопытныхъ и подлинникъ сей обыкновенно оригинальной пѣсни и переводъ, прозаическими шробами: такъ она по замѣчанію ученыхъ сдѣлана;

Ἦλθ', ἦλθε χελιδὼν, καλὰς ὥρας
 Ἀγούσα καὶ καλοὺς ἐνιαυτοὺς,
 Ἐπὶ γαστέρα λευκὰ, κατὰ νῶτα μέλαινα.

Παλάθαι οὐ προκυλεῖς

Ἐκ πλοῦτος οἴκου,

Οἴνου τε δέπαστρον,

Τυροῦ τε κάνιστρον

Καὶ πυρῶν;

Ἄ χελιδὼν καὶ λεκιθίται

οὐκ ἀπαυδεῖται.

Πότερ' ἀπίωμες; ἢ λαβώμεθα;

Εἰ μὲν τι δώσεις· εἰ δὲ μὴ, οὐκ ἐάσομες,

Ἢ τὰν θύραν φέρωμες, ἢ τὸ ὑπέρθυρον,

Ἢ τὰν γυναῖκα τὰν ἔσω καθήμεναν·

Μικρὰ μὲν ἔσι, βραδίως μὲν οἴσομες·

Ἄν δὲ φέρῃς τι, μέγα (γε) δὴ τι καὶ φέροις·

Ἄνοιγ', ἀνοιγε τὰν θύραν χελιδόνι.

Οὐ γὰρ γέροντες ἔσμεν, ἀλλὰ παῖδιά.

Пришла, пришла Ласпочка, прекрасныя времена

Приносящая и прекрасныя годы,

Черевцомъ бѣлая, а спинкойъ черная.

Не вынесешь ли вязанки фигъ

Изъ полного дома?

Сыру коробочки,

Вина чарочки

И пшеницы?

Ласпочка и опъ пирожка

Не откажешся.

Уйши намъ? или что нибудь получимъ?

Если подашь, уйдемъ; если нѣшь, не опшпанемъ:

Двери унесемъ и приположи;

но върнѣ, что переписчиками испорчена, ибо есть слѣды
 спиховъ. Athen. Deipnos: lib. VIII. Edit. Schweighav. —
 Выраженіе: *пришла ласпочка*, говорили дѣши, прихо-
 дившія къ дверямъ дома.

Или жонущку швою, кошорая сидишь въ комнашъ:

Маленькая, легко унесемъ.

Если малость подашь, велико будешь даynie.

Оспирай, оспирай дверь! не ошказывай Ласшочкъ!

Не сшарые мы, видишь, все молодые. (*)

„Оплакиваніе мершвыхъ составляешь у Грековъ шакже родъ какъ бы пѣсней, кошорые имѣюшъ особое названіе, *Мирологи* (**), *печально-словія*. Ихъ произносятъ надъ мершвымъ однѣ женщины, свои, но упошребляюшъ и чужихъ: у Грековъ естъ женщины, кошорыя за плашу исполняюшъ обязанноешъ Мирологисшохъ, *плакальщицъ*. Изъ Мирологовъ Издашель не могъ предложишь ничего любовышшству чипашелей. Мирологъ, минушное вдохновеніе горешши, ишпоргаешся изъ души безъ учашсія памяши. Самые слушатели могушъ воспоминашъ однѣ чершы, болѣе ихъ поразившія; вообще вся-

(*) Рѣдкій сей памяшникъ древней просшонародной Поззіи Грековъ, между прочимъ напоминаешъ удивишельную чершу ума Гречешкаго. Въ городъ Линдъ нужно было сдѣлашъ сборъ денегъ для общешшвенной надобношши; и съ сею-шо пѣснiю дѣши посланы по домамъ, для ишпрошенія денегъ у Гражданъ Линдскихъ, чшо было, какъ доказываешъ пѣсня, *весною*. И когда въ самомъ дѣлѣ доступише сердце челошвѣка, если не въ шо время, какъ сама природа расшворяешъ его для радости и спало бышъ для всѣхъ чувшшвованій добрыхъ.

(**) Франц. Издашель вездѣ пишешъ, какъ видно по выговору съ дигаммою, *Мирiологи*; но слово пишешся *Μιρολόγι*.

кой Мирологъ забытъ, какъ скоро произнесенъ. Но любопышенъ обрядъ, при нихъ у Грековъ наблюдаемый. По опрясаніи и убранствѣ мертвого, всѣ женщины, сколько ихъ ни соберется въ домъ, и родственныя и чужія, сплановаются кругомъ тѣла и изливаютъ печаль свою, безъ порядка и принужденія, слезами, воплями и словами. Послѣ сего плача произвольнаго и совокупнаго, слѣдуютъ оплакиванія другаго рода, это *Мирологи*. Обыкновенно ближайшая по связи къ покойнику произноситъ свой Мирологъ первая; за нею другія родственницы, пріятельницы, самыя сосѣдки; однимъ словомъ, всѣ присутствующія женщины могутъ плакать умершему послѣднюю дань нѣжности и выполняютъ это одна за другою, а иногда многія вмѣстѣ. Родъ сихъ надгробныхъ пѣсней сколько особенъ, удивителенъ для Европейцевъ, (но не для Русскихъ, какъ увидимъ ниже), столько въ самомъ дѣлѣ поразителенъ сходствомъ съ подобнаго рода пѣснями, у древнихъ Грековъ употреблявшимися, при такихъ же случаяхъ и въ такомъ же порядкѣ. Это можно видѣть изъ *Иліады* (пѣснь XXIV), когда семейство Пріама плачетъ надъ тѣломъ Гектора: вокругъ него Андромаха первая, за нею Гекуба, и наконецъ Елена произносятъ родъ Мирологовъ, одна за другою; съ ними участвуютъ, какъ пѣвцы особенные, такъ и всѣ жены Троянскія.“

Такихъ признаковъ сходства между Семейственными пѣснями новыхъ Грековъ и древнихъ,